

Т. Вюнш
Университет Пассау (Германия)

Ян Потоцкий (1761 – 1815) как историк и антрополог культуры. К формированию культурного релятивизма накануне Нового времени*

Ян Потоцкий не может пожаловаться на недостаток внимания. Как автору знаменитого романа «Рукопись, найденная в Сарагоссе» (1804 – 1815; немецкий перевод: «Приключение в Сьерра Морене, или Сарагосская рукопись», Берлин, 1962 / 1998), который входит в десятку крупнейших литературных произведений XIX в.¹, ему невозможно было избежать последующей славы. И научный вклад Потоцкого довольно рано нашел своего первого заметного защитника: ни кто иной, как историк и славист Александр Брукнер (1856 – 1939) из Тернополя, земляк происходящего из Подолии Потоцкого, первым опубликовал исследование по выше названной теме², где значительное место отведено роли Потоцкого в историографии. Поэтому не удивительно, что Потоцкому посвящена обширная статья в «Словаре польских историков»³, дополняющая биографии в «Польском биографическом словаре»⁴ и «Русском биографическом словаре»⁵. Относительно недавно вышедшая биография Потоцкого, принадлежащая французским исследователям Франсуа Россе и Доминику Триэру⁶, отражает интерес французской исторической науки к польскому ученому. Содержащийся в ней список трудов Я. Потоцкого включает работы 1784 – 1815 гг., начиная с 23-летнего возраста автора, начала его писательской карьеры, и заканчивая годом смерти. В то же время, сохраняется, как я думаю, недостаточное понимание того, что Брукнер назвал «научными заслугами Потоцкого». Ян Потоцкий был не только успешным писателем и автором обширных записок путешествий, ученым-историком и составителем многочисленных писем. С его именем связана – таково мое убеждение – смена парадигмы в изучении иных культур, точнее – в методе, с помощью которого воспринимается культурная инаковость. Дисциплинарно этот метод вбирает в себя этнологию, антропологию и, конечно же, историческую науку, но, при этом, оказывается совершенно свободным от частных национальных историй. Это объясняется не только полинациональной идентичностью автора: по рождению он принадлежал к подданным польской короны, по своим жизненным и политическим устремлениям был причастен русской культуре, по языковой стихии он ощущал себя, как дома, во французском языке. Такая судьба присуща, конечно, и многим другим представителям XVIII в. и эпохи Просвещения. Подобный трехнациональный франкофонный духовный потенциал мог служить показателем традиционного космополитизма и мог создавать преимущество в общественном признании. И все же вопрос, почему Ян Потоцкий не был адекватно оценен, требует еще дальнейшего прояснения. Возможно, ответ зависит от того, что Потоцкий, несмотря на укорененность в своей эпохе, заметно опережал свое время. Восприятие трудов Потоцкого в содержательном плане наталкивается на известное препятствие, поскольку они служили не только своему времени, но и – с поправкой на неизбежный прогресс научного знания – оказались востребованными современностью XXI в., с ее вызовами и инновационными прорывами.

Томас Вюнш, доктор, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Восточной Европы и ее культуры университета Пассау (Германия). Специалист по истории славян и других народов Восточной Европы высокого средневековья и раннего нового времени, по историографии и методологии исторической науки, автор монографий и многочисленных публикаций по этим проблемам. E-mail: thomas.wuensch@uni-passau.de

* Данная статья подготовлена на основе доклада, прочитанного профессором Т. Вюншем на Международной конференции «Историк и его эпоха», состоявшейся в Тюменском университете 20 – 22 апреля 2009 г.

1 Vorwort von Jean-Pierre Sicre // Jan Potocki, Au Caucase et en Chine (1797-1806) / Hrsgb. von J.-P. Sicre. P., 1991. P. 9-18.

2 Brückner A. Jana hr. Potockiego prace i zasługi naukowe. Warszawa, 1911. S. 45-116.

3 Słownik historyków polskich. Warszawa, 1994. S. 421-423.

4 Polski Słownik Biograficzny. Wrocław; etc., 1984-1985. Vol.28. S. 36-42.

5 Русский биографический словарь. СПб., 1905. Сю 692-697.

6 Rosse F., Triaire D. Jean Potocki biographie. P. : Flammarion, 2004. 506 P.

І. Сообщения о путешествиях Потоцкого как свидетельство современной антропологии культуры

Ян Потоцкий как отпрыск старинного дворянского рода (он происходил от той линии графов Потоцких, которые владели в червонорусском Ланькуте своим родовым поместьем, где находится его родина – Пиково, под Вильной, в Подолии) мог себе позволить путешествия. Он следовал давно устоявшейся традиции путешествий знати, впрочем, он меньше всего был связан ограничениями классического брачного турне, но больше следовал идеалу образовательного путешествия; не исключалось и путешествие с политическими целями, без какого-либо конкретного дипломатического поручения. Тем самым путешествия Потоцкого стоят типологически между дворянской и буржуазной парадигмами, что сближает его с представителями обеих интеллектуальных групп. Воспитанный в Женеве и Лозанне и вплоть до 1801 г. проживающий в Париже, Потоцкий усвоил расхожий канон интеллектуальной культуры XVIII в., с преобладанием французской составляющей. То обстоятельство, что он смог издать в 1788 г. описание своего первого путешествия на собственные средства, воспользовавшись услугами варшавской типографии⁷, делает его принадлежащим культуре путешествий накануне нового времени. Он считался с запросами читающей публики той эпохи, и его запискам свойственны все правила риторики, поддерживающие интерес потенциального читателя, поднимаясь к потребностям чистого знания. Последнее всегда оставалось в центре его писательского искусства; беседа сама по себе не была его занятием.

Целью всех его повествований о путешествиях, независимо от конкретных побудительных мотивов и установок, являлось всегда конструирование компендиума знаний. Здесь методические приемы могли варьироваться; и между трудами кабинетной учености и детализированным представлением натуралистического знания располагаются и различные способы научного фокусирования, и различные нарративные манеры. «Полезным» знанием становилось то, что Потоцкий, очевидно, возлагал на ведение сердца, благодаря чему он мог достигать нужного резонанса, независимо от разнообразных, порой экзотических целей своих путешествий.

Особенность творческого наследия Я. Потоцкого заключалась еще и в том, что практически все его крупные путешествия оказались задокументированными в виде записок⁸. Отметим только самые важные, опубликованные при жизни автора: 1788 г. «Путешествие в Турцию и Египет»; 1789 г. «Путешествие в Голландию»; 1792 г. «Путешествие в империю Марокко»; 1795 г. «Путешествие в некоторые области Нижней Саксонии»; 1802 г. «Первобытная история народов России», которая была дополнена в 1804 – 1805 гг. историческим описанием Таврической, Подольской и Волынской губерний, а также археологическим атласом европейской России (все на французском языке). Можно пойти дальше и усмотреть цель самих путешествий в составлении записок; и все же – очевидно, что Я. Потоцкий едва ли преследовал какую-либо конкретную цель в отдельных записках (например, критику чужих и отечественных условий жизни, как это позднее практиковали Гейне и Бёрне). Возможно, его труды в целом преследовали определенную цель, для чего нужны были многочисленные и различные по характеру путешествия. Поскольку сам Потоцкий не дал нам в этом отношении никаких указаний, постольку сама его безответная смерть может стать показателем недостижимости усилий его жизни в поиске определенной идеи; поэтому кажется досужим спекулировать на одной непрерывной тенденции.

Если записки путешествий по Турции, Египту, Голландии и Марокко могли вызвать впечатление, будто Я. Потоцкий находился «в поиске совершенных форм власти»⁹, что подтверждается сотрудничеством Потоцкого с Францишек Ксаверием Дмоховским и Гуго Коллонтаем по разработке Майской конституции того же самого времени¹⁰, то это только часть его интеллектуального наследия. Послед-

7 Прежде всего, ср.: Robel G. Reisen und Kulturbeziehungen im Zeitalter der Aufklärung // Reisen und Reisebeschreibungen im 18. und 19. Jh. als Quellen der Kulturbeziehungsforschung / Hrsgb. von B.I. Krasnobaev et al. B., 1980. S. 9-37; Kämmerer J. Theorie und Empirie. Russland im Urteil aufgeklärter Philosophen und Reiseschriftsteller // Ibid. S. 331-351; Wuthenow R.-R. Die erfahrene Welt. Europäische Reiseliteratur im Zeitalter der Aufklärung. Frankfurt-am-Main, 1980; Gräf H.Th., Pröve R. Wege ins Ungewisse. Reisen in der Frühen Neuzeit 1500-1800. Frankfurt-am-Main, 1997; Maurer M. Reiseberichte, in: Aufriß der historischen Wissenschaften, hg. von Michael Maurer, Bd. 4: Quellen, Stuttgart 2002, 325-348; Justin Stagl, Eine Geschichte der Neugier. Die Kunst des Reisens 1550-1800, Wien 2002 (Orig. engl. 1995).

8 См.: каталог: Rosse F., Triaire D. Jean Potocki biographie. P.: Flammarion, 2004. P. 480-506.

9 Beauvois D. Introduction // Jean Potocki, Voyages en Turquie et en Égypte, en Hollande, au Maroc. P., 1980. P. 33.

10 Dmochowski F.K., Kołtataj H., Potocki J. O ustanowieniu i upadku Konstytucji polskiej 3 maja 1791. Metz, 1793 (нем. пер., см.: Vom Entstehen und Untergange der Polnischen Konstitution vom 3ten May 1791. Leipzig, 1793).

нему противоречат другие рукописи этнологического¹¹ и чисто историографического¹² характера, которые едва ли возможно согласовать с актуальными, абстрактно-эмпирическими данными. Потоцкий сам рассматривал себя в качестве «современного Геродота», но не в качестве «Аристотеля», который исследовал правильные и неправильные формы государства. Следует довольствоваться типологией записок Я. Потоцкого о путешествиях по их характеру и анализом их содержания.

Рассмотрим в качестве примера сообщение о путешествии в степи близ Астрахани и на Кавказ. Потоцкий предпринял это путешествие в 1797–1798 гг., то есть еще в царствование Павла I; он прибыл в область, которая после недавнего русского завоевания только-только была приведена к замирению. Потоцкий, проезжая из Москвы через Астрахань на Кавказ¹³, видел последствия политики Екатерины II, которая преследовала цель установить российское господство над греческим и армянским населением региона, над всем Крымом и над кавказскими землями вплоть до Каспийского моря¹⁴. Потоцкий не дождался публикации этого сочинения; оно увидело свет только в 1829 г., благодаря его бывшему компаньону по китайскому путешествию (1805–1806 гг.), Генриху Юлиусу Клапроту¹⁵. Описание, занимающее почти 170 печатных страниц, объединяет в одно целое относительно самостоятельные части. В 16 главах рассказывается об отрезках пути и местах остановок. Каждая глава самодостаточна, хотя и имеет внутренние связи с соседними главами. 3–6 главы образуют цельный блок, который следует рассмотреть поподробнее. Можно выделить три момента:

а) Начало главы, описывающей «Пребывание в Астрахани», позволяет уточнить положение исследователя: Потоцкий искренне признает, что его любимым занятием в молодые годы было выяснение в библиотеках проблемы происхождения азиатских народов.

Удалось бы ему составить классификацию культур только на основе письменных источников, без этнографического наблюдения? Можно предположить, что Потоцкий считал задачу такой классификации главным побудительным стимулом своих путешествий, поскольку он еще раз возвращается к этой мысли в другом месте той же главы: вначале информация, почерпнутая из опубликованных источников, затем непосредственное изучение жизни различных народов. Различие между этими двумя способами познания культуры дает Потоцкому повод прибегать к топосу риторической скромности, каковая становится эвристическим средством, помогающим достигать более полного знания. Страницы, отражающие книжную эрудицию, тем самым не складываются в дневник; Потоцкий дополнительно к своему собственному этнологическому описанию обращался к параллельному изучению книг о народонаселении. Так Потоцкий комбинировал два различных приема, которые в этнологии его времени еще не были связаны: исследование пространственно и ментально выходило за пределы кабинетной учености и превращалось в этнографическое полевое исследование, по методу включенного наблюдения. Только другой поляк, Бронислав Каспар Малиновский (1884–1942)¹⁶, столетие спустя преодолел этот методологический разрыв. Потоцкий решал такую методологическую проблему по-своему: он отводил работе с опубликованными письменными источниками свое место в конструировании исторического знания, располагающееся в основании; в то время как осмысление культуры возможно, по его мнению, только благодаря непосредственному этнографическому наблюдению и изучению ее языка. Этнологический и культурно-антропологический методы¹⁷, используемые Потоцким, можно обозначить и как «продолжение исторического исследования иными средствами»; признание Потоцкого «отцом современной этнографии»¹⁸ обретает, таким образом, убедительную доказательность.

11 Potocki J. *Au Caucase et en Chine (1797-1806)* / Ed. par J.-P. Sicre. P., 1991.

12 Potocki J. *Histoire ancienne du Gouvernement de Podolie*. St. Pb., 1805; *Idem. Histoire ancienne du Gouvernement de Wolhynie*. St. Pb., 1805.

13 Potocki J. *Au Caucase et en Chine (1797-1806)* / Ed. par J.-P. Sicre. P., 1991. P.22.

14 Krakowski E. *Le comte Jean Potocki. Un témoin de l'Europe des Lumières*. P., 1963. P. 161. Conermann S. *Expansionspolitik im Zeichen des aufgeklärten Absolutismus? Katharina II. und die Krimtataren // Russland zur Zeit Katharinas II. Absolutismus – Aufklärung – Pragmatismus* / Hrsgb. von E. Hübner u. a., Köln, 1998. S. 337-359.

15 Jan Potocki, *Au Caucase et en Chine (1797-1806)* / Ed. par J.-P. Sicre. P., 1991. P. 19-187 („Voyage dans des steppes d'Astrakhan et du Caucase“); 189-261 („L'expédition en Chine“). русский пер. первой части, см.: Потоцкий и его путешествие в астраханские и кавказские земли / Пер. с фр. Е.Л. Соснина. Пятигорск, 2003. Ср.: Walravens P. *Julius Klapproth (1783-1835). Briefe und Dokumente*. Wiesbaden, 1999. S. 187.

16 Ср.: Stolz F. *Bronisław Kaspar Malinowski (1884-1942)* // *Klassiker der Religionswissenschaft. Von Friedrich Schleiermacher bis Mircea Eliade* / Hrsgb. von A. Michaels. Darmstadt, 1997. S. 247-263.

17 О понятии метода, см.: Petermann W. *Die Geschichte der Ethnologie*. Wuppertal, 2004. S. 278-300.

18 Potocki J. *Au Caucase et en Chine (1797-1806)* / Ed. par J.-P. Sicre. P., 1991. P.16.

б) Из этого двухступенчатого историко-этнологического исследования формируется фонд сведений о культурах, который позволял Потоцкому вносить изменения или подтверждение имеющих на тот момент данных. Так, он, в отличие от средневековых источников, не относил хиванских татар южной части Центральной Азии к кочевникам; в то же время он подтвердил сведения античного историка и географа Страбона (63 г. до н. э. – 19 г. н. э.) о калмыках, живших в кибитках и кочевавших. Комбинация прочитанного (из классиков народоведения) и результатов полевого исследования (этнографического и антропологического), из знания предшественников и собственного опыта, защищала Потоцкого от существенной познавательной проблемы, которой не смог избежать сам Иоганн Готфрид Гердер (1744 – 1803), а именно: логической конструкции по аналогии. Уже Кант упрекал Гердера за его метод аналогии: «то, что не понимается, объясняется с помощью подобного, что еще менее понимается»¹⁹. Если Потоцкий, определяя место черкесского танца в танцевальной культуре, сравнивает его с танцами казаков и, при этом, невольно отмечает норвежские параллели, то здесь он, конечно, тоже пользуется приемом аналогий, но для того, чтобы выявить своеобразное. Все «открытия» Потоцкого оставляют, конечно, знаки вопроса. Есть еще проблема коммуникации; мало самому достичь понимания, требуется еще корректно транслировать результаты наблюдения аудитории, находящейся далеко от описываемых объектов. Насколько Потоцкий был захвачен сомнениями по поводу оппозиций *новое / чужое, старое / собственное*, насколько он мучился поиском наиболее точных образных средств описания, отражает язык его повествования. Взять, к примеру, окончание 6 главы, где Потоцкий описывал свои впечатления от созерцания побережья Каспийского моря. От прочего текста явно отличается та часть, в которой автор предаётся воспоминанию о пережитом наслаждении туриста. Потоцкий изображает характерную картину жизни в портовом городе, словно, скупую, но включающую примечательные детали и вызывающую аллюзию на портовые сюжеты знаменитого художника Клода-Жозефа Верне (1714 – 1789).

в) «Гений» Потоцкого, если будет позволено это, восходящее к романтизму определение, обнаруживается там, где дело касается выделения культурных качеств описываемых народов. Первый шаг этнографического описания требовал определить географическое местоположение изучаемой культуры; здесь указывались сведения о политической организации (в частности, уровень самостоятельности этноса), вплоть до физиогномических характеристик. Потом приводились сведения о военной организации, внутривполитическом оформлении (например, номадизм), религиозной системе (к примеру, существование теократии) и далее давалась общая оценка хозяйственной деятельности. Метод Потоцкого требовал учета широкого горизонта интересов, включая интересы изучаемого этноса. Так, суждение о грабеже как основном источнике дохода туркмен, подвергается сомнению как стереотипный оборот. Потоцкому присуща идея предзнания, которое основывалось на воспитании, образовании и эмпирии. Однако все эти моменты могли выступать стимулами, но они не определяли пополнение знания («только теперь я вижу перед собой эти этносы, с их характерными чертами, сходством и различиями, их языками и традициями»). Потоцкий вновь и вновь начинал с суждения о «плотном описании» (согласно принципу Клиффорда Гертца). Особое внимание он уделял религиозным церемониям; не забывал сообщить о застольных обычаях, если они казались ему совершенно чуждыми. Однако если прочие стороны публичной жизни описывались им довольно схематично, то религиозная практика представляла весьма полно. Так, во время посещения калмыцкой орды и ставки калмыцкого тайши Тюменя, Потоцкий присутствовал после трапезы при религиозном священнодействии, которое произвело на него сильное впечатление. Он описал одеяния участников церемонии (указав аналогию на китайских бонз), священные предметы, инструменты, действия, таинства, моления, воскурение ладана и, наконец, жертвоприношение в виде павлиньих перьев, предназначенных богам. Бросается в глаза попытка Потоцкого зафиксировать участников церемонии в рисунках (что ему более или менее удавалось благодаря продолжительности действия и дополнениям на следующий день). Необычно то, что Потоцкого не смущало признание о своем непонимании чего-либо. Так, описывая некоторые музыкальные инструменты, он указывал, что ни название, ни функции инструмен-

¹⁹ Kant I. Rezension zu Johann Gottfried Herders „Ideen“ // Werke: in 12 Bd. / Hrsgb. von W. Weischedel. Bd. 12. Frankfurt-am-Main, 1977 S. 791. Cp.: Berg, E. Johann Gottfried Herder (1744-1803) // Klassiker der Kulturanthropologie. Von Montaigne bis Margaret Mead / Hrsgb. von W. Marschall. München, 1990. S. 51-68.

тов ему не известны. Если учесть, что Потоцкий не только посещал некоторые народы как проезжий гость, но и какое-то время жил в иноэтнической среде (так он сообщал о жизни кочевников, об орде калмыцкого тайши Тюменя), то становится понятным такое признание. Возможно, ему бросалась в глаза чужеродность и экзотичность каких-либо явлений. Таковы объемные описания танцев девушек в покрывалах в калмыцкой орде и пленной чеченской принцессы, в поведении которой его привлекла реакция радости по поводу подаренного носового платка и безразличие в отношении купленного ожерелья. И все же Потоцкому удалось не выставлять на всеобщее обозрение необычность и инаковость этнической культуры, но выявить ее более существенные черты. И что еще важнее, ему удалось достичь понимания иной культуры. Классифицируя народы, он не пользовался категориями, известными на Западе (то есть в Европе, включая Россию). Это позволяло избежать искажений, особенно при характеристике иноверия и моральных представлений (в частности, это касается грабежа и краж). Здесь преодолевается долго бытовавшая практика народоведения, и Потоцкий, занимает свое особое положение, которое можно не только обсудить и оценить, но и понять.

II. Потоцкий как представитель культурного релятивизма

а) Народознание его времени (И.Г. Гердер и др.)

Координаты позиции Яна Потоцкого раскрываются не сами по себе. Понятно, что после Малиновского²⁰ самокритическая позиция стала составной частью этнологического метода; еще позднее, ближе к современности, с Клиффорда Гирца (г.р. 1926) учитываются коллизии наблюдателя в смысловой ткани культуры, выдвигается проблематика «внутреннего» и «внешнего» взгляда²¹. Рассуждения Потоцкого нужно оценивать в контексте его времени, дабы определить его инновационный потенциал. Несмотря на то, что отдельные представители естественных наук настаивали на непредвзятом изучении иных этносов, без идеологических оценок – таковы почитаемый в России Иоганн Георг Гмелин (1709 – 1755)²², или выходец из Данцига Георг Форстер (1754 – 1794)²³, приоритет в подобном подходе должен быть отдан Иоганну Готфриду Гердеру. Он был первым, кто страстно выступал за восприятие чужих народов по их культурному вкладу, не допуская осуждения: «нам важнее отражение их образа мысли, души, ощущений, языка, не сплетни, которые придут в голову какому-нибудь глупцу-европейцу, заслуживающему быть изгнанным, но описания истинных [этнических] признаков»²⁴. У Гердера впервые находит обсуждение и ироническую критику и проблема европоцентризма.

Если уважение к чужим культурам у Гердера объяснялось антиномией природы и культуры, а также романтической идеализацией некультуры и стремлением сохранить биполярную модель, то Потоцкий продвинулся дальше гердеровой концепции. У Гердера чужие народы всегда остаются «дикими» или «полудикими»; его взгляд акцентируется на иной оценке самой «дикости» как ступени роста культуры; то, что «ремесло» может иногда превосходить «искусство», что «дикость» сама по себе может быть проблемой восприятия, не приходило Гердеру в голову. Потоцкий в своих записках о путешествиях отличается от Гердера тем, что он покидает «вертикаль культуры» (во времени и пространстве) и выходит на «горизонтальное понимание» культур, размещающихся на одном уровне. По его убеждению, не может быть иерархии культур, ни «высоких», ни «низких», никакого европоцентризма, который был достоянием той эпохи и привел от Канта через Гёте вплоть до Гегеля к «негативной» антропологии, обратив внимание на неевропейские народы. Со своей стороны Потоцкий достигает большего сближения культур, что Гердер только наметил: культурные достижения каждого этноса, каждой антропологической группы должны восприниматься, исходя из присущих им ценностей²⁵. Гердер открыл путь к достижению исторической

20 Malinowski B. *Magie, Wissenschaft und Religion. Und andere Schriften.* Frankfurt-am-Main., 1973 (оригинальное англ. изд. 1948).

21 Geertz C. *Dichte Beschreibung. Beiträge zum Verstehen kultureller Systeme.* Frankfurt-am-Main, 1983 (оригинальное англ. изд. 1973).

22 Die Große Nordische Expedition von 1733 bis 1743. Aus den Berichten der Forschungsreisenden Johann Georg Gmelin und Georg Wilhelm Steller / Hrsgb. von D. Posselt. München, 1990.

23 Heintze D. Georg Forster (1754-1794) // *Klassiker der Kulturanthropologie. Von Montaigne bis Margaret Mead* / Hrsgb. von W. Marschall. München, 1990. S. 69-87.

24 Herder J.G. *Nordische Lieder // Sämtliche Werke* / Hrsgb. von B. Suphan. Bd. 25. *Poetische Werke.* Bd. 1. Hildesheim, 1978. S. 81. Mühlmann W.E. *Geschichte der Anthropologie.* Wiesbaden, 1986. S. 62.

25 Herskovits M.J. *Cultural Relativism. Perspectives in Cultural Pluralism.* N. Y., 1973. P. 47.

ясности и преодолению историко-философского пессимизма Руссо²⁶; Гердер в своих теоретических и эпистемологических размышлениях²⁷ вплотную приблизился к смене парадигмы. И все же только Потоцкий сделал еще один шаг дальше – в области историографии и этнологии. Как историк Потоцкий с самого начала не укладывался в какой-либо определенный стереотип историографических представлений. Очевидно, чтобы понять логику историописания польского ученого, следует обратиться к выяснению сути его методики. Во введении к его описанию «Сарматии» как местности, которая была заселена тюркскими народами Малой Азии, он пояснял: «есть единственный способ верного видения культурных достижений этноса – подняться над эпохой до высоты птичьего полета»²⁸; эта перспектива «птичьего полета» важна как в синхроническом, так и в диахроническом плане, она подходит и историку, и этнографу, как этнологу, так и антропологу. Здесь мы оказываемся у самых истоков культурного релятивизма, который был сформулирован американским антропологом и этнологом Мелвиллом Херсковитцем. Потоцкий показывал в своих записках путешественника²⁹, что можно признавать силу иных культурных традиций, не выражая своего согласия или несогласия с ними. Нигде в его сочинениях не встречается стремление добиться расположения со стороны носителей иных культурных ценностей, нигде он не пытался искать извинений за описываемое поведение, которое могло конфликтовать с культурным самосознанием европейца. Образцовым примером такого отстраненного взгляда становятся пассажи его сочинений, посвященные религиозным отношениям неевропейских народов. Он давал общее разъяснение религиозных взглядов, сокращая возможные частные отступления; характеризовались стандартные ценности иноверия, отмечалась общность с христианскими приоритетами, не связанная с христианским влиянием на нехристианские народности. Если Александр Бернес, служащий британской армии в Индии в 1832 – 1833 гг., называл мусульман «двоеверным народом»³⁰, то Потоцкий избрал иную позицию. Если основанием религиозного либерализма Потоцкого называют деистско-редукционистскую идею, получившую развитие уже в «Сарагосской рукописи»³¹, то следовало бы заметить, что Потоцкий не был активным ее выразителем. И деизм, если он имел отношение к Потоцкому, учитывая рассуждения героев его романа, ни в коем случае не выступал у него основанием для оценки и классификации неевропейских культур. Заметки Потоцкого о религиозных отношениях у народов Кавказа свободны от оценочных суждений, автор явно отдает предпочтение этнографическому наблюдению, а не классификации, он демонстрирует возможность непредвзятого взгляда на иную культуру. Польский путешественник конца XVIII в. может считаться, таким образом, родоначальником той исследовательской практики, которая прочно утвердилась только в XX в., благодаря Францу Боасу и Брониславу Малиновскому³².

б) Другие сообщения о путешествиях того же времени (Массон и Кларк). Прежде чем рассматривать труды Потоцкого, следует обратиться к сочинениям других путешественников его времени, затрагивающих Россию. В качестве самых важных я выделяю два: «Секретные мемуары о России» Шарля Франсуа Филиберта Массона 1786 – 1796 гг.³³ и «Путешествие по России и Татарии» Эдуарда Даниэла Кларка 1800 – 1801 гг.³⁴

Происходивший из Бургундии Массон (1762 – 1807) провел 10 лет в Санкт-Петербурге, был близок ко двору; он привел в своих «Мемуарах», вышедших в 1800 г. (по его собственному при-

26 Korff H.A. Geist der Goethezeit. Versuch einer ideellen Entwicklung der klassisch-romantischen Literaturgeschichte. T: 1. Sturm und Drang. Leipzig, 1954. S. 87-92; основой стала рукопись Гердера «Философия истории для просвещения человечества» 1774 г.

27 „Das Gemälde der Nationen hat hier unendliche Schattierungen, die mit den Räumen und Zeiten wechseln; es kommt also auch bei ihm wie bei jedem Gemälde auf den Standpunkt an, in dem man die Gestalten wahrnimmt“; Herder J.G. Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit [1784-1791] // Herders Werke / Hrsgb. von H. Kurz. Leipzig, 1871. Bd. 3. S. 267.

28 Potocki J. Recherches sur la Sarmatie. Varsovie, 1789. Vol.1. P. 2.

29 Herskovits M.J. Cultural Relativism. Perspectives in Cultural Pluralism. N. Y., 1973. P. P. 48.

30 Burnes A. Travels into Bokhara. L., 1834. Vol. 1. Idem. Reisen in Indien und nach Bukhara. Stuttgart, 1835. Bd. 1.

31 Skrzypek M. Les sources françaises de la théorie de la religion chez Jean Potocki (Potocki et Volnay) // Jean Potocki et Le manuscrit trouvé à Saragosse. Actes du Colloque organisé par le Centre de Civilisation Française de l'Université de Varsovie. Warszawa, 1972. S. 57-70; Kukulski L. Nachwort // Die Abenteuer in der Sierra Morena oder Die Handschriften von Saragossa. B., 1962 / 1998. S. 401-425.

32 Szalay M. Ethnologie und Geschichte. Zur Grundlegung einer ethnologischen Geschichtsschreibung. B., 1983. S. 23.

33 Masson Ch.F.Ph. Mémoires secrets sur la Russie, et particulièrement sur la fin du règne de Cathérine II et le commencement de celui de Paul I. P., 1800; Major Massons Geheime Memoiren über Russland / Neubearb. von F. M. Kircheisen. München, 1917; рус.пер.: Массон Ш. Секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I. М., 1996.

34 Clarke E.D. Travels in various countries of Europe, Asia, and Africa. P. 1: Russia, Tartary, and Turkey. N. Y., 1813; Edward Daniel Clarkés Reise durch Russland und die Tartarei in den Jahren 1800-1801. Weimar, 1817.

знанию), сведения о пребывании в России, а затем и описание путешествия в узком смысле этого слова³⁵. Записки Массона можно воспринимать как этнолого-антропологический источник и в этом смысле они полезны для критики сочинений Потоцкого. Известная близость в описаниях двух авторов находит объяснение в том, что Массон, как и Потоцкий, по языку и строю мышления принадлежал к французско-швейцарскому культурному кругу. Массон попал в Россию с военно-служилыми намерениями (он поступил на службу капитаном в русский драгунский полк и получил место воспитателя сына президента военной коллегии Н.И. Салтыкова³⁶, затем он получил чин майора гренадерской гвардии великого князя Александра, впоследствии царя); как и Потоцкий, он вел непосредственные наблюдения, добавив известную долю своих убеждений. При этом, были и весьма заметные различия по стилю и, главное, результатам. Если Потоцкий удерживается от оценок, то Массон начинает свое описание «русского народного характера» с утверждения об отсутствии у русских собственного характера и постоянном заимствовании ими общественных качеств у других народов³⁷: речь идет о полу-образованности и необразованности русских, их варварстве и безразличии к прогрессу, гордости, с одной стороны, и благочестии, с другой; далее в русском национальном характере подчеркивается «восточное рабство». Последующее сравнение русских с западноевропейскими народами и их нравами позволяет Массону отметить и позитивные качества русских, например, критическое отношение к власти, большую безопасность на русских дорогах в сравнении с Англией и Францией. Однако моральные качества ставят русских много ниже других европейских народов. Главным пороком, по Массону, является деспотический характер власти в России; деспотия абсолютизирует принуждение, военную службу, которые унижают человека, определяют механизм бездушного подчинения и деформируют народный характер. Русские принадлежат к так называемым «новым народам», которые в силу своей неразвитости вынуждены заимствовать достижения европейских народов. Здесь легко выделяется смысловое ядро аргументации Массона. Это – чувство превосходства, заставляющее рассматривать иные культуры в соответствии со стандартами, свойственными культуре, к которой принадлежит сам автор. Сочинение Массона в этом и других местах дает обширную этнографическую информацию, которая, однако, не всегда является результатом собственных наблюдений автора; в его описании явно преобладает субъективное начало, нежели объективное: читатель больше узнает о собственных представлениях автора, его ценностной ориентации, нежели о характере описываемого этноса. Концепция Массона, словно узким корсетом, скована каркасом прежде сформировавшихся убеждений; он воспринимает русских «новым народом», видя в этом позитивную способность к изменениям. Колоссальная дистанция между «новыми народами» и французами может в отдаленной перспективе измениться. С такими упрощенными разъяснениями, позаимствованными из оптимистической теории прогресса, Массон впадает в тенденциозность. В конце главы о русском национальном характере он говорит о русских как о более послушных рабах по сравнению с казаками, башкирами, калмыками и киргизами, являвшимися составной частью русской армии и не подчинявшимся дисциплине; здесь иерархия культуры достигает своего пика, и возможности понимания культуры иных этносов максимально ограничиваются. Своим анализом Массон серьезно полагал, что едва ли нужно из политических соображений смягчать такую характеристику. Из этого следует, что его сообщение возникло в условиях относительного напряжения между Россией и Францией после окончания Второй коалиционной войны 1799 г., в противном случае, оно оказалось бы противоположно господствовавшей политической атмосфере.

Похожее, диаметрально противоположное положение по отношению к этнологическому концепту Потоцкого занимает сочинение Эдуарда Даниэла Кларка (1769 – 1822), впоследствии профессора Кэмбриджского университета и священника англиканской церкви. Это было «Путешествие к границам Европы»³⁸, которое Кларк осуществил через Финляндию в Россию, посетив Санкт-Петербург, Новгород, Тверь, Москву, Тулу, область казачьего войска Донского, орду калмыков, задержавшись в Крыму, а

35 Corbet Ch. L'opinion française face à l'inconnue Russe (1799-1894). P., 1967. P. 46.; Hanslik I. Das Bild Russlands und Polens im Frankreich des 18. Jh. Frankfurt-am-Main, 1985.

36 Dixon S. The Modernisation of Russia 1676-1825. Cambridge, 1999. P. 137.

37 Gréve C., de., Le voyage en Russie. Anthologie des voyageurs français aux XVIIIe et XIXe siècles. P., 1990. C. 1187-1195.

38 Dolan B. Exploring European Frontiers. British Travellers in the Age of Enlightenment. Basingstoke, 2000.

затем покинул крымские земли и отправился по Малой Азии и Греции. Главными целями его путешествия были научные – картографическая съемка и составление коллекции минералов; кроме этого, он интересовался рукописями, монетами и скульптурой. Кларк посвятил в своем сочинении обстоятельные разделы описанию обычаев и нравов евразийских народов (первая часть повествует о России, областях Центральной Азии, Золотой Орде, то есть Татарии и о Турции). Его метод был компаративным, то есть наблюдаемые в России феномены рассматривались в сравнении с подобными же явлениями других народов. Самой показательной может считаться 7 глава с ее размышлениями о крепостничестве в России. Опыт, полученный в ходе личного наблюдения за жизнью русских, вылился в риторический пассаж, где, с одной стороны, приводятся сведения более высокого уровня достоверности по сравнению с предшественниками, а, с другой стороны, содержатся вызывающие оценочные суждения. Кларк отмечает соперничество, тщеславие и показное гостеприимство русской знати, стремление к богатству, столько же претенциозное, сколько и наивное, и претензии на образование, нередко мнимое. Анализ крепостничества в России осуществлен на основе сравнения с английскими социальными отношениями, в результате чего складывалось представление о более сильной эксплуатации и социальном деклассировании в России. Отсутствие правовой защиты, наказание проявляющих инициативу и проистекающая из этого социальная пассивность, личное бесправие российских крестьян, глубокая социальная дифференциация – такими чертами наделяет Кларк социальное устройство России его времени. Исходя из этого, сочинение Кларка приходится признать тенденциозным. Кларк путешествовал по России в то время, когда она находилась в состоянии войны с Англией, и он действовал как информатор о состоянии русского флота в Крыму. Его путешествие, осуществленное вместе с двумя коллегами из Оксфорда и Кэмбриджа, лучше всего подходило по своим результатам к схеме проводимой Англией внешней политики. Как и Массон, Кларк исходил из твердого убеждения о существовании высоких и низких культур: последние подчинялись культуре, стоящей на высшей ступени. Его взгляд определялся статической позицией, исключающей движение. Интересно, что он оказался участником дискуссии по поводу различий английских и русских представлений о свободе. Кларк, при этом, обратился к самооценке русского дворянства по этой проблеме: суть ее в признании относительности принудительного характера русского крепостничества. Кларк указал, что практикующийся в Англии принудительный набор на службу матросов в портовых городах осуждался в парламенте за его похожесть на состояние рабства, по сравнению с которым положение русских крепостных крестьян было даже лучше. Конечно, в подобных рассуждениях можно видеть немалую долю эвфемизмов и даже цинизма, и автор хорошо сделал, что отказался от подобного мнения. И все же в его сочинении остается методологическая лакуна: что-то ускользнуло от Кларка; была возможность получить вместе с размышлением о русском самосознании наблюдение о рациональной оправданности положения русских крепостных, или, наоборот, об его иррациональности.

III. Наука и политика у Потоцкого

Стремление увидеть связь научных идей Потоцкого с его эпохой ставит вопрос о его политических взглядах. Потоцкий, как Массон и Кларк, также жил не в безвоздушном пространстве, он также вращался в мире политики, доходя вплоть до глав государств. При Александре I его с полным правом можно назвать «слугой царя»³⁹, и он мог считаться сторонником его политики. Хотя при Павле I все было иначе. В письме царю Александру I от 4 октября 1806 г. Потоцкий разъяснял свою внешнеполитическую позицию⁴⁰: азиатская политика России, как он подчеркивал, целиком основана на экономическом интересе. Дальше он пояснял этот экономический интерес в деталях естественно-географическими ресурсами и заканчивал утверждением, что для этих удаленных азиатских областей колониальное правление было единственно желательным. Спрашивается, подразумевал ли здесь Потоцкий колониализм, и как это утверждение коррелирует с научными представлениями о культуре. Его суждение об экспансионистской политике России конца XVIII в. показывает, что едва ли к тому времени имелось понятие «колониализм» (сравни: Манифест для Грузии 1801 г., русско-иранская война с 1804 г.). Было известно понятие «инородцы» из Устава Сперанского 1822 г.⁴¹, которое распространялось на коренные народы Сибири. В таком случае был ли Потоцкий «колониалистом» до «колониализма»?

39 Rosse F., Triaire D. Jean Potocki biographie. P. : Flammarion, 2004. P. 341.

40 Potocki J. Écrits politiques / Ed. par D. Triaire. Genève, 1987. N 46. P.185-194.

41 С.: Kappeler A. Russland als Vielvölkerreich. Entstehung, Geschichte, Zerfall. München, 2001. S.139.

лизма»? Ответ должен быть амбивалентным. С одной стороны, Потоцкий не был принципиальным противником российской экспансии, так как он в этом процессе не видел ничего отрицательного; сами американцы, замечал он, которых мы знаем в большинстве своем как моральных людей, практиковали такую же политику⁴². Исследование наследия Потоцкого показывает, что путь от космополитизма к империализму оказывается много короче⁴³. С другой стороны, он еще не мог знать разрушительного воздействия русского колониализма и империализма. Он не был – вплоть до решения существенного для Польши вопроса о конституционном устройстве – ни революционером, ни ренегатом своего соловья⁴⁴, но в высшей степени патриотом и своеобразным «сейсмографом своего времени». Его патриотизм не был национально суженным, что означало, что он выступал как в пользу своей родины, так и в пользу своей избранной родины, России времен Александра I. Сравнение с сейсмографом позволяет представить его как бескомпромиссного, нейтрального, независимого наблюдателя как в народоведении, так и в политике. То, что Потоцкий не принадлежал какой-либо «системе»⁴⁵, что он оставался независимым, налагало отпечаток на обе сферы его деятельности. У него отсутствовала оценочность в отношении явлений культуры, он был «человеком беспристрастным» в положительном смысле слова, что отразилось в культурной теории. На поставленный в исследовании вопрос, что предложил Потоцкий участникам диалога Запада и Востока, легко ответить⁴⁶: ничего, так как для него больше значило слушать, чем оценивать и классифицировать. Экспериментатор по своему методу⁴⁷, он предстает интеллектуалом со своими философскими представлениями и политическими убеждениями, но не как влиятельный политик. Какое наследие он оставил? Фактический, ценный материал об этносах, которые переживали в XIX в. глубокую трансформацию; еще методологически выверенное обоснование исторически обоснованной этнологии и антропологии.

Пер. с нем. А.Г. Еманов

ZUSAMMENFASSUNG

Professor Thomas Wunsch analysiert im Artikel „Jan Potocki (1761-1815) als Historiker und Kulturanthropologe. Zur Herausbildung eines kulturellen Relativismus um 1800“ ein Reisebericht von J. Potocki „Voyage dans des steppes d'Astrakhan et du Caucase“. Jan Potocki war nicht nur ein Erfolgsautor und graphomanischer Reiseschriftsteller, ein gelehrter Historiker und fleißiger Briefeschreiber. Mit ihm verbindet sich, meint Professor Wunsch, ein Paradigmenwechsel in der Beschreibung fremder Kulturen, genauer: in der Methode, wie das kulturell Fremde verarbeitet wird. Disziplinär ist dies ein Anliegen, das Ethnologie, Anthropologie und Geschichtswissenschaft gleichermaßen tangiert – wobei die einschlägigen Fachgeschichten sich als durchwegs abstinent erweisen. Der Grund dafür, warum Potocki dort nicht präsent ist, liegt sicher nur teilweise in seiner mehrfachen nationalen Anbindung: von Geburt her ein Angehöriger der Krone Polen, war er mit seiner Vita und seinen politischen Ambitionen ein Teil der russischen Kultur, sprachlich dagegen im Französischen zu Hause. Dieses Schicksal teilen freilich viele andere Repräsentanten des 18. Jahrhunderts und der Zeit der Aufklärung generell; man könnte die mit einer trinationalen frankophonen Anbindung gegebenen Zuordnungspotentiale auch umgekehrt als Ausweis eines traditionellen Kosmopolitismus – und damit als Vorzug bei der Gewinnung öffentlicher Beachtung – werten. Warum Potocki dennoch – in Teilbereichen jedenfalls – nicht erkannt und adäquat gewürdigt ist, bedarf also mindestens einer weiteren Erklärung. Sie könnte darin zu finden sein, dass er zwar in seiner Epoche verwurzelt war, gleichzeitig aber darüber hinausragte. Die Rezeption von Potockis Werk auf der Inhaltsebene stößt sich daran, dass es nicht nur für seine Zeit, sondern – einen Wissensfortschritt mit einkalkuliert – selbst für die Gegenwart des XXI. Jahrhunderts mit innovativen Einsichten und sogar Herausforderungen aufwartet.

42 Beauvois D. Entre l'analyse et l'action politiques, Jean Potocki, voyageur „éclairé“ // Modèles et moyens de la réflexion politique au XVIIIe siècle. Lille, 1977. Vol. I. P.39-63.

43 Ibid. P.60.

44 Rostworowski E. Jean Potocki témoin de la crise de l'Ancien Régime en Europe et en Pologne // Jean Potocki et Le manuscrit trouvé à Saragosse. Actes du Colloque organisé par le Centre de Civilisation Française de l'Université de Varsovie. Warszawa, 1972. P.15-25.

45 Rosse F., Triaire D. Jean Potocki biographie. P. : Flammarion, 2004. P.275.

46 Rostworowski E. Jean Potocki témoin de la crise de l'Ancien Régime en Europe et en Pologne // Jean Potocki et Le manuscrit trouvé à Saragosse. Actes du Colloque organisé par le Centre de Civilisation Française de l'Université de Varsovie. Warszawa, 1972. P.19.

47 Sicre J.P. Introduction // Potocki J. Au Caucase et en Chine. P., 1991. P.11.